

ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; тел. 050-3916600

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА**

Аннотация. В статье рассматриваются процессы ценностной адаптации западноевропейских заимствований, вошедших в русский язык в Петровскую эпоху. Импорт западноевропейских концептов сопровождался внедрением в русское языковое сознание прагматических и утилитарных ценностных ориентаций. Аксиолингвистический подход к анализу лексикографического материала позволяет сделать вывод о том, что в ситуации лексической дублетности образуются оценочные пары, где иноязычная лексема имеет нейтральную оценочность, а её русский аналог содержит традиционно негативные коннотации в русском языковом сознании, свойственные лексике коммерческой сферы.

Ключевые слова: русский язык петровской эпохи, лексическое заимствование, ценностная адаптация, экономический дискурс, экономическое сознание.

XVIII век для России был ознаменован значительными изменениями в культурной жизни общества, обусловленными правлением Петра I — одной из ключевых личностей новой истории. Именно в эпоху Петра, по высказыванию известного культуролога А. Кармина, неразрешимые экономические, культурные, проблемы, отсталость в научно-техническом прогрессе поставили Россию перед выбором: пойти по пути восточных государств (Китай, Индии и т. д.), принять их тип культуры, или окунуться в культурно и экономически процветающий в то время мир Запада. «Пётр I сделал выбор и повернул Россию на второй путь» [4, с. 195].

Изменения, произошедшие в культурном, ценностном, этическом, экономическом сознании русского народа, привели к формированию двух полярных концепций, известных под названием противостояния западников и славянофилов. Вкратце эти два направления научной и культурной мысли можно охарактеризовать как возвращение к истокам славянской культуры (славянофильство) и стремление к полной европеизации русского уклада (западничество). Последователи обеих названных концепций, описывая возможные направления экономического, научного, культурного развития России, прежде всего, опирались на систему ценностей «русского человека», особенности его мировоззрения. В этом ключе славянофильство и западничество можно отождествить с философскими течениями так называемой «этики отказа», аскетизма и направлением прагматизма, утилитаризма, стоящего у истоков современной западной системы ценностей. Пётр I, выбрав для России западный путь развития, обусловил внедрение прагматизма как основополагающего принципа общественной и экономической жизни, которому, однако, понадобилось более двух столетий, чтобы укорениться в русском мировоззрении.

В манифесте 1702 года Пётр ставил своей целью, чтобы *«все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучное состояние»*. В 1721 году он говорил, что *«подлежит трудиться о пользе и прибытке общему»*.

Впервые в русской лингвокультуре появилась идея общего блага, ставшая элементом ценностей первого лица, которое как тотем, отец, сакральный царь берёт на себя ответственность за всё. Сама идея «общего блага» впервые появилась на Западе (Г. Гроций, С. Пуфендорф) и была включена Петром в систему своих ценностей. Сама возможность обращаться к людям на языке благ означала, что в стране уже приобрела ощутимое влияние некоторая новая, выходящая за рамки синкретизма система ценностей, создан и получил влияние новый пласт культуры. Речь идет об исключительно важном для страны явлении, о развитии утилитаризма [1].

Трансформация аксиосистемы от «славянизма» к прагматизму прошла несколько стадий, определивших развитие других сопутствующих прагматической концепции принципов: утилитаризма, материализма, гедонизма, функционализма. В этом отношении XVIII век демонстрирует активные процессы импорта концептов, о чём свидетельствует значительное пополнение словарного состава лексикой философской, политической и экономической сфер, заимствованной из западноевропейских языков.

Целью данной работы является аксиолингвистический анализ ценностной адаптации заимствований экономической сферы в русском языке XVIII века. В качестве материала анализа нами использованы данные «Словаря церковно-славянского и русского языков» [СЦСРЯ 1867], позволяющие определить особенности взаимодействия новых экономических заимствований из западноевропейских языков с узуальной лексикой коммерческой сферы исследуемого

периода в истории русского языка (с учётом хронологического запаздывания лексикографической фиксации языка).

В XVIII веке номинативное пространство экономического фрагмента языкового сознания пополнилось заимствованными лексемами, репрезентирующими когнитивные признаки бережливости и расчётливости, которые и в допетровский период обладали значительным ценностным потенциалом (позитивная оценочность и актуальность) [8, с. 474]: ср. СГ с корнем *-эконом-* (в дополнение к словообразовательным калькам из церковнославянского — *домоводство, домострой и домостроительство*) показало высокую продуктивность в русском языке: *экономить* — наблюдать бережливость; *экономический* — хозяйственный, домостроительный, сбережённый от расходов. *Экономка* — 1. смотрительница за хозяйством, 2. бережливая расчётливая хозяйка; *экономный* — хозяйственный, бережливый, расчётливый; *экономно* — с наблюдением экономии, хозяйственно, расчётливо; *экономша* — жена эконома; *экономъ* — 1. домостроитель, смотритель за хозяйством. 2. бережливый, расчётливый в домашних издержках; *экономский* — относящийся к эконому или к экономам. *Экономская должность. Экономский помощник* [СЦСРЯ, т. 4, с. 994—995]. *Заэкономничать, заэкономить* — начать экономить [СЦСРЯ, т. 1, с. 158].

Изменения взаимоотношений дворянства с государством, последовавшие в связи с принятием в 1762 г. «Манифеста о даровании вольности и свободы российскому дворянству», освободившего дворян не только от гражданской, но и от военной службы, с сохранением привилегированных прав, потребовали также изменения отношений **собственности**. В Жалованной грамоте дворянству оговаривалось право дворян свободно распоряжаться *благоприобретенным имуществом, «дарить, или завещать, или в приданое, или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагорассудится»*; наследственным, родовым именем можно было распоряжаться *«как законами предписано»*. Этими законами был Указ 17 марта 1731 г. об отмене единонаследия [6, с. 330]. Заимствованные лексемы *аренда, арендованный, арендатор, арендовать, арендование, посесия, посессионный* и др. иллюстрируют становление понятия права собственности в экономическом сознании носителей русской лингвокультуры [СЦСРЯ, т. 1, с. 23]. Таким образом, языковые факты фиксируют эволюцию экономических понятий в русской культуре.

В русское языковое сознание импортируется идея рационализма, воспринятая как антипод мистического, эмоционального: *рациональный* — основанный на разуме и опыте [СЦСРЯ, т. 4, с. 121], *рационалист* — основывающий всё на суждениях разума и не приемлющий ничего сверхъестественного [там же], *рационалистический* [там же]. Появление таких лексем, как *рациональный, прагматический* («основанный на достоверных свидетельствах, очищенный от лжи и заблуждений строгим разысканием» [СЦСРЯ, т. 3, с. 894]), *практика* — производство самого дела, опыт, *практик, практический* — состоящий в применении умозрения к практике [там же, с. 896], *материя, материализм* — мнения тех, кто не допускает никакой другой сущности, кроме материи [СЦСРЯ, т. 2, с. 610]; *материальный, материальность* [там же] свидетельствует о повышении значимости прагматических, утилитарных ценностей в русском сознании. Заимствование *полис* — свидетельство о страховании имущества, выдаваемое из страхового общества, страховка [СЦСРЯ, т. 3, с. 662] и появление новообразований *страхование, страховаться* [СЦСРЯ, т. 4, с. 490] также является иллюстрацией прагматического подхода к интерпретации фактов окружающей действительности.

Однако изменение аксиосистемы русского языкового сознания в XVIII веке связано прежде всего с повышением значимости гедонистических ценностей. Значимым шагом в трансформации ценностей стал переход от пуританской «этики отказа» (*малотребия, бережливости*), свойственной древнерусской культуре, к принципам гедонистической концепции.

Обращая внимание на тот факт, что слово *гедонизм* в русском языке является заимствованным, М. В. Пименова считает, что восприятие жизни как удовольствие представлено занесёнными из других культур традициями, философскими учениями и идеями [5, с. 6]. Этический императив гедонизма заключается в стремлении к наибольшему удовольствию. Удовольствие есть прежде всего результат осуществления желаний, а качество и вид желаний зависит от объекта и качества потребностей, которые, в свою очередь, определяются с опорой на шкалу жизненных ценностей.

Свидетельством уплотнения номинативного пространства удовольствия как ценностного ориентира являются заимствованные неологизмы, производные от *роскошь* — излишество в употреблении дорогих и лучших в своём роде вещей, *роскошник (роскошница)* — живущий роскошно, *роскошество, роскошность* — пристрастие к роскоши, *роскошничать, роскошествовать* — предаваться роскоши, жить роскошно [СЦСРЯ, т. 4, с. 150], *гастроном* — охотник до вкусных и отборных яств [СЦСРЯ, т. 1, с. 534], *гастрономия* — искусство составлять вкусные яства [там же], *модник, модница, модничать, модничанье, модность* [СЦСРЯ, т. 2, с. 662], *франт, франтиха, франтить, франтовство*. Неологизмы *эгоизм* — попечение о своих только выгодах,

эгоистический, эгоист — любящий только себя самого, пекущийся о своих только выгодах; себялюбец [СЦСРЯ, т. 4, с. 993], как и все вышеназванные лексемы, фиксируют новые ценности прагматически ориентированного общества.

Как известно, заимствование идей сопровождается адаптацией нового знания к уже существующему. Так, импорт инокультурных концептов вступает во взаимодействие с русским языковым сознанием: лексема *деньги* (*купило* — простонар. деньги, *истинникъ* — стар. капитал, деньги [СЦСРЯ, т. 2, с. 294]) получает новый синоним *капитал* — значительное количество денег [там же, с. 334], лексема *богач* — *миллионщикъ* (владеющий миллионами, богач) [там же, с. 294], *капиталист* (имеющий деньги). *Он человек капитальный* — владеющий капиталом [там же], *торговля* — *коммерция* [там же, с. 405], *заём* — *кредит, заимодавец* — *кредитор* [там же, с. 455] и т. д. И если на лексическом уровне данные пары можно считать синонимами, то в лингвокультурологическом аспекте они оказываются противопоставленными по ряду признаков. *Капитал* в языке-доноре имеет значение ‘стоимость, которая в результате использования наёмной силы приносит прибавочную стоимость (самовозрастает)’, что соответствует научной картине мира, а в обыденной — *капитал* приравнивается к *деньгам* («все вообще ходячие монеты») [СЦСРЯ, т. 1, с. 662]. Аналогичное явление происходит и с адаптацией понятий *торговля* — *коммерция*; *заём* — *кредит*; *взятничество*, *мздоимство* — *коррупция*; *книгодержатель* — *бухгалтер*; *казначей* — *кассир* и др.

Естественно, что возникновение новой семантической единицы в заимствовавшем языке не есть результат механического переноса готового смысла: можно говорить об особом этапе становления значения заимствованного слова в новой языковой и лингвокультурной среде. «Размытость» границ значения, неопределённость набора простейших смыслов, из которых складывается значение, их взаимных отношений, — типичная семантическая черта заимствований периода вхождения [2, с. 242]. Например, лексема *интерес* вошла в русский язык в широком значении «польза, выгода»; в сфере финансовой, коммерческой это общее значение конкретизировалось как денежная выгода, прибыль, доход. *Интерес* стал восприниматься как *казённый доход*. Ср. фразеологию русских прибыльщиков петровской эпохи: *быть у интереса, собирать интерес, сборные интересы, пропаша, похищение интереса* и др. С новым, смещённым смыслом связаны значения слов: *интересный* (относящийся к казённым доходам), *интересоваться* (извлекать выгоду из казённых доходов, иметь долю в казённых доходах, прибылях).

Заимствование с установкой на сопоставление с европейским словарём и известное подравнивание под влиятельные нормы европейского употребления предполагало в ряде случаев наличие равнозначного русского материала, семантически эквивалентного приходящим иноязычным словам. Это было причиной возникновения дублетных пар и серий иного рода — из русских и иноязычных слов. Дублетность такого порядка была очень высокой в языке XVIII в.: *квалитет* — *качество*; *квантитет* — *количество*; *интерес* — *рост, лихва*; *сумма* — *купа*; *коллега* — *соседатель*; *медиация*, *медиатор* — *посредство, посредник*; *фабрика* — *работа, дело*; *апликация* — *рачение*; *аристократия* — *вельможество*; *демократия* — *народовластие*; *торговля* — *коммерция, негоциация* и др. Источником дублетности была реакция принимающей стороны, хотя мотивы, вызывающие эту реакцию, могли быть диаметрально противоположными: стремление адаптировать новый иноязычный материал и стремление избавиться от иноязычных включений в русский словарь. Однако средством достижения того и другого было семантическое сближение иноязычного слова с русским (при отсутствии эквивалентности этих единиц) на основе какой-либо степени их семантического подобия либо создание с этой целью нового слова. Конечные результаты подобных процессов семантического сближения не всегда оказывались соответствующими исходной мотивации: русское слово, привлекаемое как семантический ориентир для иноязычного слова с целью облегчить его вхождение в новую лексическую систему, зачастую вытесняло иноязычное слово из языка, целиком перенимая на себя его функции (*дума* — *сенат*, *качество* — *квалитет*, *количество* — *квантитет*), а русский эквивалент, привлекаемый с целью замены иноязычного слова, оказывался оттеснённым им за границы русского словоупотребления (*кредитор* — *зимодавец*, *коллега* — *соседатель*, *сумма* — *купа*, *интерес* — *лихва*). Таким образом, аксиолингвистический подход к анализу взаимодействия новых иноязычных слов с исконными и изменений в русской экономической лексике требует рассмотрения когнитивных основ семантической дифференциации как попытки преодолеть отношения дублетности в языковой системе.

Отношения в системе — редко отношения двух изолированных единиц; обычно это отношения в цепочке. Каждое русское слово по отношению к иноязычному аналогу есть представитель своего синонимического ряда, который так или иначе втягивается в сферу их взаимных отношений (ср. *штраф* — *казнь* — *наказание* — *пеня*). В сфере терминологии регуляторы отношений между словами иные, соответственно, процесс дифференциации дублетных знаков исключает развитие в плане видоизменения дублетных отношений в синонимические, а также в плане стилистической дифференциации, сдвигов по экспрессивной шкале. Тем не менее, иноязычные термины выполнили главную задачу — сняли негативную аксиологическую оценку со многих

лексем, обслуговуючих економічні відносини: *лихва — процент, лихоимець, растоимець — кредитор, купець — комерсант, торговець — комерція* і др.

Таким образом, петровский период в истории русского языка продемонстрировал на системно-языковом уровне появление оппозиционных пар ценностных ориентаций (аскетизм/гедонизм, рациональное/иррациональное, прогресс/традиция и др.), впоследствии ставших ключевыми факторами при сопоставлении западных и восточных культур.

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. / А. С. Ахиезер. — М. : Философское общество СССР, 1991.
2. Биржакова Е. Э. Очерки по исторической лексикологии XVIII в. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина ; АН СССР ; Ин-т русского языка. — Л. : Наука, ленингр. отд., 1972. — 431 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. / В. В. Виноградов. — 4-е изд. — М. : Русский язык, 2002. — 528 с.
4. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры / А. С. Кармин. — СПб. : Лань, 1997. — 512 с.
5. Колесов В. В. Гедонизм как явление русской лингвокультуры (на примере концепта удовольствие) : коллект. монография / В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. — К. : ИД Дм. Бураго, 2012. — 208 с.
6. Новиков А. В. Об особенностях развития отношений собственности в России / А. В. Новиков // Проблемы современной экономики. — М., 2007. — № 1 (21). — С. 329—333.
7. СЦСРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. — 2-е изд. — СПб., 1867.
8. Яроцкая Г. С. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре : монография / Г. С. Яроцкая. — Одесса : ОНУ им. И. И. Мечникова, 2013. — 552 с.

References

1. Ahiezer A. S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta : v 3 t. / A. S. Ahiezer. — M. : Filosofskoe obshhestvo SSSR, 1991.
2. Birzhakova Je. E. Oчерki po istoricheskoi leksikologii XVIII v. Jazykovye kontakty i zaimstvovanija / Je. E. Birzhakova, L. A. Vojnova, L. L. Kutina ; AN SSSR ; In-t russkogo jazyka. — L. : Nauka, leningr. otd., 1972. — 431 s.
3. Vinogradov V. V. Oчерki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII—XIX vv. / V. V. Vinogradov. — 4-e izd. — M. : Russkij jazyk, 2002. — 528 s.
4. Karmin A. S. Osnovy kul'turologii: morfologija kul'tury / A. S. Karmin. — SPb. : Lan', 1997. — 512 s.
5. Kolesov V. V. Gedonizm kak javlenie russkoj lingvokul'tury (na primere koncepta udovol'stvie) : kolekt. monografija / V. V. Kolesov, M. V. Pimenova, V. I. Terkulov. — K. : ID Dm. Burago, 2012. — 208 s.
6. Novikov A. V. Ob osobennostjah razvitija otnoshenij sobstvennosti v Rossii / A. V. Novikov // Problemy sovremennoj ekonomiki. — M., 2007. — № 1 (21). — S. 329—333.
7. SCSRJa — Slovar' cerkovno-slavjanskago i russkogo jazyka, sostavlennoj vtorym otdeleniem Imperatorskoj akademii nauk : v 4 t. — 2-e izd. — SPb., 1867.
8. Yarockaya G. S. Aksiogenez ekonomicheskogo soznanija v russkoj lingvokul'ture : monografija / G. S. Yarockaya. — Odessa : ONU im. I. I. Mechnikova, 2013. — 552 s.

ЯРОЦЬКА Галина Сергіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики ОНУ імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;

e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; тел.: +38(0482)680562; моб.: +38 050 3916600

ЄВРОПЕЙСЬКІ ЕКОНОМІЧНІ ЗАПОЗИЧЕННЯ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ XVIII ст.

Анотація. У статті розглядаються процеси ціннісної адаптації західноєвропейських запозичень, що увійшли до російської мови за петровську добу. Імпорт західноєвропейських концептів супроводжувався впровадженням у російську мову свідомість прагматичних та утилітарних ціннісних орієнтацій. Аксиолінгвістичний підхід до аналізу лексикографічного матеріалу дозволяє зробити висновок про те, що у ситуації лексичної дублетності утворюються оцінні пари, де іншомовна лексема має нейтральну оцінність, а її російський аналог містить негативні конотації, притаманні багатьом словам комерційної сфери в російській мовній свідомості.

Ключові слова: петровська доба, запозичення, ціннісна адаптація, економічна свідомість.

Galina S. YAROTSKAYA,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Applied Linguistic Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;

e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; tel.: +38(0482)680562; mob.: +38 050 3916600

BORROWINGS OF EUROPEAN ECONOMIC LEXEMS INTO THE RUSSIAN LANGUAGE DURING THE XVIII CENTURY

Summary. The article examines the process of value adaptation of Western European economic concepts that were borrowed by the Russian language during the rule of Peter-the-Great. Borrowings of Western economic concepts into the Russian linguistic perception were accompanied by the development of new pragmatic and utilitarian values into Russian society. The axio-linguistic approach which applied to the analysis of lexicographical material tends to the conclusion that, in the situation where the parallel lexical units exist, the Russian language developed evaluative couples — in which the borrowed lexical unit and its Russian counterpart have a neutral and negative connotations, respectively.

Key words: Peter-the-Great rule, lexical borrowings, value adaptation, economic discourse, economic perception.

Статтю отримано 15.06.2014 р.